

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

**ЧТО ЗНАЧИТ: "ЭТОМУ МОЖНО ДАТЬ
ТОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ"?**

Герман Люббе

*Hermann Lübbe. Was Heisst: "Das kann man nur historisch erklären?"
In: Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft. Darmstadt, 1977.*

© Wilhelm Fink Verlag, 1973

Перевод Т.И.Дудниковой

Летом 1967 г. мне довелось выступать перед главами департаментов просвещения швейцарских кантонов с докладом об организации высших учебных заведений в земле Северный Рейн – Вестфалия. В своем выступлении я рассказал, в частности, о том, что в каждом из новых университетов этой земли (в Бохуме и в Дортмунде), отстоящих друг от друга по прямой всего на пятнадцать километров, предполагается открыть отделение машиностроения и электротехники. На вопрос, продиктовано ли такое дублирование, да еще и на столь близком расстоянии, прогнозируемой потребностью в учебных местах по этим специальностям, мне пришлось, принимая во внимание тогдашнее состояние нашего планирования высшего образования, ответить отрицательно, дипломатически смягчив свое "нет" замечанием: "...хотя с точки зрения долгосрочных расчетов, возможно, да," – в чем я случайно оказался прав. Этот ответ не мог не вызвать у швейцарцев нового вопроса: чем же объясняется подобная щедрость и размах. Вопрос напрашивался сам собой, и не только потому, что это были швейцарцы, но и потому, что мы находились тогда в нижней точке конъюнктурного спада.

На вопрос о причине принятия решений, явно превышающих возможности, можно было ответить, только прибегнув к историческому объяснению. Оно выглядит достаточно просто.

По крайней мере с конца прошлого века жители вестфальской части Рурской области постоянно и во всеулышание высказывали настойчивое пожелание о создании высшего технического учебного заведения, причем именно в Дортмунде, городе, исторически не принадлежавшем ни к одной из земель, удобном для сообщения благодаря густой сети железных дорог, связывавших его как с северными, так и с южными рурскими городами. В конце 50-х годов вопрос о создании высшей школы в Рурской области достиг наибольшей остроты, и 18 июля 1961 г. было наконец принято решение о создании университета в Вестфалии, но – в Бохуме. Для большинства причины предпочтения, оказанного Бохуму, были тогда неясны. Говорили (во всяком случае, в Дортмунде) о "политическом" решении, причем в том смысле, в котором слово "политический" употребляют министерские чиновники, когда хотят сказать, что с точки зрения дела решение не вполне разумно.

Год спустя, весной 1962 г., сошлись два факта: неослабевающее чувство разочарования у граждан густонаселенного региона Дортмунда, с одной стороны, и предстоящие выборы в ландтаг – с другой. В этой ситуации местное правительство 12 июля 1962 г. приняло решение о создании и в Дортмунде университета с той самой давно желанной высшей технической школой. Таким образом, обеспеченность региона техническими школами по тогдашним масштабам оказалась избыточной. Сегодня этого избытка учебных мест, особенно болезненно ощущавшегося в 1967, в год экономического спада, уже не существует, поскольку в этом регионе резко увеличился спрос на выпускников технических школ. Можно считать, что в долгосрочном плане решения оказались верными, но и это опять же можно объяснить только исторически. Тогдашние власти случайно повели себя правильно, в то время они не учитывали и не могли учесть сложившихся позднее обстоятельств или сегодняшних представлений о том, что следует принимать во внимание. Впрочем, с точки зрения политики, это несущественно. Издавна один из принципов политического самоутверждения гласит: при хорошем исходе ставь себе в заслугу и то, что нисколько от тебя не зависело.

Можно попытаться обобщить примеры событий, которые могут быть поняты только на основе исторического объяснения.

1. Речь идет о событиях, с точки зрения современника, странных. Кажется, будто эти события подчиняются логике последовательного поведения; но как раз эти ожидания и не оправдываются. Таким образом, речь идет о событиях, которые мы анализируем в контексте поведения, но объяснить, исходя из него, не можем.

2. Историческое объяснение трактует непонятное событие как равнодействующую разнонаправленных действий различных субъектов, которые преследовали каждый свою цель и не подчинялись единой логике поведения. В нашем примере встретились логика сторонников очередного увеличения количества учебных мест, с одной стороны, и логика участников предвыборной борьбы, в которой использовались очки, полученные за намерение создать новый университет, – с другой. К возникшему в результате избытку учебных мест как таковому никто, естественно, не стремился. Просто именно таким путем он возник, и именно потому этот факт нуждается в историческом объяснении. Причины появления этого избытка могут быть поняты, только если рассматривать их в контексте административной деятельности того периода. Примечательно, что если оценивать их исходя из сегодняшней ситуации, то феномен, объяснимый лишь исторически, приобретает видимость результата рационального планирования, обладающего внутренней последовательностью, и утрачивает для поверхностного наблюдателя свой неоднозначный исторический характер.

3. Историческому объяснению подлежит то, что не может быть объяснено ни логикой поведения, ни законами функционирования системы, а также не выводится из каузальных или статистических причинно-следственных связей. Историческое объяснение в этом смысле идет путем не обращения к разуму действующих лиц и не через законы логики. То, что оно объясняет, оно объясняет, рассказывая историю.

4. История – это, если прибегнуть к образу, позаимствованному из геологии, наслоение действий, из которых каждое само по себе понятно, но в совокупности они уже не подчиняются логике действий или законам системы. Выбранная нами метафора, впрочем, не случайна: ведь и для того, чтобы понять геологическую структуру, мы должны рассказывать историю, историю Земли, и следует заметить, что теперь, в этом естественно-научном контексте слово "понять" так же понятно, как в научно-историческом контексте слово "объяснить". Я хотел бы привести еще одну метафору из области физики: феномен, требующий объяснения и поддающийся исключительно историческому объяснению, можно назвать также феноменом интерференции расходящихся или сходящихся потоков деятельности.

5. Связанные между собой в форме истории события в совокупности не подчиняются навязанной извне логике действий. История в этом смысле, будучи историей индивидуальных и институциональных субъектов, представляет собой процессы, не зависящие от воли субъектов. Вместе с тем речь идет об "историях" утверждения и преобразования субъектов или систем под воздействием событий, характер и последовательность которых не подчиняются логике действий этих субъектов или систем. В каждом случае рассказанная история объясняет реальность, которая была бы непонятной, если видеть в ней результат чьей-то воли и ее исполнения в поддающихся контролю обстоятельствах.

6. Таким образом объясняется и то, почему не может быть раскрыт процесс непосредственного действия. Кому-то удается сделать то, что он хотел: в истории такое иногда происходит, но не это делает историю историей. Подобные случаи столь редки, что, когда значительное число действий осуществляется в соответствии с рациональным замыслом, это, в свою очередь, вызывает потребность в объяснении.

На северо-востоке Восточной Фрисландии, посреди обжитой и возделанной земли, есть владения, границы которых, в отличие от границ владений, расположенных южнее, строго подчиняются геометрической логике и являются абсолютно прямыми. Редко землемер может так упростить себе работу. Как это стало возможно? Историческое объяснение таково: прямые, как стрела, границы пролегают через местность, на которой старые межи исчезли в результате наступления моря и не могли быть восстановлены после того, как земля вновь была укреплена. При нанесении границ не нужно и невозможно было принимать во внимание старые отношения между владельцами. Геометрическая логика в данном случае отвечала в то же время и требованиям политической и административной рациональности. Так сказать, сделали, как хотели.

Иной раз искомый результат достигается и при наличии противостоящих сил, что позволяет измерять силу "власти" степенью ее способности осуществлять логичные действия вопреки исторически сложившимся отношениям, представляющимся иррациональными. Пример – строительство дорог в Вестфалии при Наполеоне.

Теперь я хотел бы, в развитие темы, напомнить тезис, известный как "тезис о единстве науки". Он гласит: структура и функция научных теорий во всех науках одни и те же – а равным образом и построенные на основе этих теорий "объяснения" прошлых и "прогнозы" будущих

событий. Этот тезис о единстве науки до сегодняшнего дня оказывает провоцирующее воздействие на многих ученых-гуманитариев. Для специалистов по теории науки, придерживающихся этого тезиса, сам его провокационный характер есть замечательный, лишь исторически объяснимый феномен, на разъяснении которого я не могу сейчас останавливаться. Гораздо больше мне хотелось бы способствовать опровержению самого тезиса о единстве науки, причем я попытаюсь показать, что по отношению к историческим наукам он ни в коей мере не проявляет себя методологически агрессивно. Напротив, я постараюсь продемонстрировать, что тезис о единстве науки позволяет четко разграничить процесс построения и функцию теории, с одной стороны, и рассказывания истории – с другой.

С этой целью я в общих чертах намечу понятие теории с точки зрения философии единства науки. Для этого в данном контексте достаточно единственного положения: теории суть обоснованные и благодаря своей разъяснительной и прогностической продуктивности практически надежные заключения о каузальной или статистической закономерности событий во времени.

Это положение, естественно, содержит тысячу импликаций. В данном контексте оно целесообразно лишь в том случае, если мы отвоеваемся от этих импликаций. Простой и существенный для нас смысл этого определения можно прояснить на самом тривиальном примере. Те утверждения, которые дают нам возможность предсказать следующий весенний проход Солнца через экватор, или же те, которые в силу законов статистики позволяют с большой долей вероятности предполагать, что скоро зацветет вишня, и другие подобные им создают теорию. И по поводу таких теорий Хемпель (процитируем представителя теории единства науки) говорит, что они "выполняют совершенно одинаковые функции в истории и в естественных науках".

Эти известные положения приводятся здесь не с целью сообщить что-то новое, а для того, чтобы наглядно показать, что тезис о единстве науки не ставит перед историком задачу раскрыть и обосновать закономерности каузального или статистического характера. Он лишь предполагает, что когда историк, например, берется определить хронологию события на основании его совпадения с полным солнечным затмением, датировка которого известна, то в этом случае он использует возможности той самой теории небесной механики, по которой уже рассчитано наступление следующего полного солнечного затмения.

Именно благодаря своей простоте тезис о единстве науки так захватывает. И поэтому вроде бы непонятно, как он вообще может иметь провокационный характер. Мне кажется, провокационность этого тезиса является следствием того реального факта, что общественные науки, с одной стороны, частично делят свой предмет с историческими науками, с другой – утвердились как самостоятельные, создающие собственные теории дисциплины. Это должно провоцировать вопрос, как вообще можно описывать социальную реальность, рассказывая веселые или мрачные истории, в то время как благодаря социальным наукам давно уже существует теоретическое понимание этой реальности. Данный вопрос имеет к тому же идеологически-политическую окраску. Она связана с историко-политической традицией (сохраняющейся

прежде всего в ее марксистских разновидностях), в соответствии с которой рациональность политической деятельности возрастает, если она опирается на теорию, объяснившую и обосновавшую закономерности исторического развития общества. Классический пример подобной претензии, как известно, можно найти в предисловии к первому изданию первого тома "Капитала". Там мы читаем:

"Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, – а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, – не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов." (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т.23, с.10.)

Если бы эта претензия реализовалась, история на самом деле должна была бы принципиально изменить свой характер и тогда функциональное различие между историческими науками и теоретизирующими социальными науками было бы ликвидировано. Мы могли бы, по аналогии с общественными науками, объяснить, в целом, как произошло то, что произошло, и могли бы прогнозировать будущее развитие общества в целом и соответственно ориентировать свое практическое поведение, особенно политическую деятельность.

Знаменитая критика историцизма Карлом Поппером есть, как известно, не что иное, как принципиальное отрицание такой возможности прогнозировать сложные социальные процессы на основе мнимого проникновения в их закономерности. Квинтэссенция аргументации Поппера такова: прогноз последовательности событий на основе ее выявленной закономерности, с одной стороны, и известных обстоятельств – с другой, всегда возможен лишь применительно к замкнутым системам, которые более или менее изолированы от непредвиденных воздействий окружающего мира, отличаются постоянством своих системно-специфических элементов и периодичностью изменения сочетаний этих элементов. Однако подобные системы крайне редки как в обществе, так и в природе. Не случайно традиционные и сенсационные примеры прогностических возможностей теоретических наук – это примеры из небесной механики: с древности – предсказание затмений солнца и луны или в новое время – спрогнозированное открытие восьмой планеты на границе солнечной системы в 1846 г. Солнечная система полностью отвечает условиям прогнозируемости событий на основе закономерности имманентного системе хода событий: вмешательств извне, нарушающих систему, здесь нет или они столь незначительны, что ими можно пренебречь; элементы системы постоянны, а их движение – периодически. И напротив, очевидно, что сложные социальные системы не отвечают этим условиям, и в той мере, в какой это так, их развитие не поддается прогнозированию.

Историки в итоге воспримут сказанное как банальность. Как будто бы не тривиально научно-теоретическое обоснование этой банальности, согласно которому для возведения аргументации на уровень существующих научно-политических требований следует свести функцию историографии к демонстрации примеров действия законов общественного развития.

Антиисторицистская аргументация Поппера тоже приведена мной не для того, чтобы сообщить что-то новое. Задача этого пассажа – ясно показать, что критика историцизма может действительно оградить исторические науки от требований открывать основные законы исторических процессов на потребу политической практике. В идейно-политическом резюме можно сказать: имплицитированный в попперовскую критику историцизма тезис о единстве науки не противник, а союзник в борьбе за утверждение самостоятельности исторического подхода в социальных науках. В сражении против позитивистского тезиса о единстве науки сторонники традиции так называемого историцизма, идущей от Майнеке, просто не осознают сегодня, где проходит линия фронта.

Разумеется, аргументация Поппера не исключает, что в социальных системах с более высокой сопротивляемостью вмешательству извне процессы протекают с поддающейся констатации закономерностью и в соответствии с этой закономерностью могут быть объяснены и предсказаны. Если предложение товаров недостаточно, цены фиксированы в административном порядке, а система санкций против нарушающих этот порядок слаба и ненадежна, то неизбежным следствием является, как правило, черный рынок. Таков известный пример Поппера. Свидетельством прогресса теоретических общественных наук (в смысле приносимой им пользы) может быть увеличение количества подобных гипотетических правил, основанных на структурном анализе. При этом возрастает и объяснительный, и прогностический потенциал социальных наук, и этот несомненный прогресс обществоведения имеет, разумеется, важные последствия для исторической науки. Эти последствия я хотел бы описать в одной-единственной фразе: исторические науки могут и должны использовать возрастающий объяснительный потенциал общественных наук всегда, когда они имеют дело с анализом событий, поддающихся соответствующему теоретическому объяснению.

В определенных таким образом отношениях между исторической и общественными науками последние, как легко заметить, оказываются в подчиненном положении относительно первой, играя вспомогательную роль, а не наоборот. Естественно, трудно определить, в какой степени отдельные направления исторической науки видоизменились в результате использования методов общественных наук. Часто замечают, что исторические исследования выделяются среди других тем, что в их языке присутствует минимум профессиональных терминов. Причина этого в первую очередь в том, что исторические объяснения в значительной степени складываются из описаний поступков, которые, при условии знакомства с ситуацией, могут быть понятны, так сказать, любому образованному человеку. Причина, далее, заключается и в том, что встречающиеся в исторических текстах объяснения взаимосвязи событий, основывающиеся на каузальных или каких-либо других закономерностях, – это по большей части объяснения, исходящие из всеобщего или частного человеческого опыта, а не из данных профессиональной науки. Теперь ясно, что это положение должно меняться по мере того, как специфически научный потенциал объяснения привлекается для описания исторического контекста – в том ли случае, когда

события, которые прежде удавалось объяснить исключительно на донаучном уровне, оказываются поддающимися профессиональному объяснению, или же в том случае, когда обращаются к взаимосвязям между событиями, которые прежде оставались за пределами исторического изучения. В обоих случаях язык историков неизбежно обогатится профессионально, и этим объясняется – не говоря уж об увлечении модными терминами – внедрение социологической, экономической и прочей общественно-научной специальной лексики в современную историографию.

Использование общественно-научных средств объяснения не остается для исторических наук без последствий. Но эти последствия в первую очередь заключаются не в устойчивом сближении (как можно было бы предполагать, надеяться или опасаться) исторических наук с теоретическими социальными науками. Рассказанная история не перестает быть рассказанной историей из-за того, что в теоретических отступлениях от изложения событий несколько чаще используются методы специальных дисциплин. Исторические исследования, как правило, можно охарактеризовать как смесь описательных и теоретических элементов. Но эти элементы не теснят друг друга. Как бы я сам, с нуждой или без нужды, ни перегружал изложение теоретическими экскурсами, начало и конец истории не выводятся друг из друга как теоретически объяснимая последовательность событий. Именно эту существенную характеристику дает аналитическая философия описательным высказываниям, которым она уделяет так много внимания.

Ни один разумный человек не додумается до того, чтобы попытаться сконструировать причинно-следственную зависимость между историческими событиями на основании того, как они связаны между собой в повествовательных предложениях. И не то чтобы было слишком сложно обнаружить такую взаимосвязь: это было бы бессмысленно. Мы рассказываем истории не потому, что мы недостаточно продвинулись в развитии общественно-научных методов объяснения; мы рассказываем истории, потому что не можем обойтись без такого способа реконструкции реальности и ее интерпретации. Состояние системы высшего образования в земле Северный Рейн – Вестфалия в 1967 г. нельзя объяснить ни закономерностями развития региональной системы высшей школы, опираясь на методы общественных наук, ни тем более некой доминирующей, успешно направляющей развитие системы планирующей волей. Именно эта необъяснимость ситуации в данном смысле спровоцировала вышеприведенный вопрос швейцарских коллег, и только историческое объяснение способно было дать на него ответ. Историческое объяснение объясняет уникальное состояние системы, так сказать, индивидуальность этой системы, отличающую ее от других, сопоставимых с ней. Историческое объяснение в данном случае отвечает на вопрос, как аналогичные по своим функциям явления здесь оказываются такими, а там – иными, поскольку эти несходства не могут быть объяснены реальными функциональными различиями. В этом смысле исторические процессы, если дать общую формулировку, суть процессы индивидуализации систем, благодаря которым системы на фоне других, аналогичных им, становятся своеобразными и несхожими, а значит – поддающимися идентификации.

Такая формулировка сразу уводит в обобщения и дает простор для спекуляций. Чтобы избежать этой опасности, я хотел бы предложить примеры, непритязательные по содержанию, но очевидные по своей структуре.

В некоторых армиях, в том числе и в немецкой, генерала можно отличить по золотому шитью петлиц, представляющему прямоугольник с зубчатыми краями и подвеской. Функция этого изображения заключается, естественно, в том, чтобы можно было отличить генерала. Однако форма этого знака отличия поддается только историческому объяснению, и, по свидетельству историков военного костюма, непонятный знак объясняется тем, что на солдатских мундирах XVIII в. таким образом укрепляли петли для пуговиц. Возникшая позднее из военно-тактических соображений необходимость в более простой, не бросающейся в глаза солдатской форме делала подобные украшения в функциональном смысле излишними, даже опасными. Так они и исчезли, но сохранились в качестве реликта рядом с верхней петлей на генеральской форме, объяснимые лишь исторически и в то же время до сих пор функционирующие как средство определения воинского звания.

Вообще утратившие функцию элементы системы – реликты, которые в содержательном смысле могут быть объяснены лишь исторически через исчезнувшие функции, которые они некогда выполняли, – именно они не позволяют спутать ее с аналогичными по функциям системами. Как раз это, в общей формулировке, означает: истории суть процессы индивидуализации систем, их функциональной перестройки под влиянием событий и условий, которые в свою очередь не выводятся из функционального назначения системы.

Уже сам общий вид формулы предполагает, что она приложима к самым различным феноменам материального характера. Подножка "фольксвагена", на которую никогда не становятся, естественно объясняется исторически – связью автомобиля с традиционным средством передвижения – каретой. Утратив свою первоначальную функцию, она относится теперь к специфическим атрибутам, отличающим эту марку машины. То же самое действительно и для семантических феноменов. В функциональном отношении совершенно одно и то же, когда в дюссельдорфском банке немецкого клиента приглашают к "первому окну" (Schalter 1), а американского – к "первой стойке" (counter one). В историческом смысле это не одно и то же, потому что немцу напоминают о временах, когда потенциальный кредитор был отделен от служащего задвигающимся окошком, которое внезапно опускалось, в то время как для американца место выдачи денег издавна ассоциировалось со столом. И в этом случае также можно сказать, что в аналогичных по функции системах, в данном случае в системе лексического понимания, лишь исторически могут быть объяснены одни и те же элементы, которые в то же время задают несхожесть, индивидуальность этих систем.

Тезис о единстве науки утверждает, что способ и процесс построения теорий, причинное объяснение и прогноз во всех науках одни и те же независимо от физической, социальной или какой-то иной области, к которой относится предмет исследования. Однако исторические нау-

ки существуют не потому, что определенные области исследования не способны продуцировать теорию, а потому, что нас интересуют не только теории, но в равной степени и историческое изображение генетической индивидуальности. Очевидно, что последнее интересует нас применительно не только к области человеческого бытия, но и к природе. И дело обстоит теперь так (и это другая сторона тезиса о единстве науки), что естественная история структурно идентична историческому объяснению, описанному выше. Бесфункциональные задние конечности в скелете некоторых морских млекопитающих точно так же находят у палеонтологов исключительно историческое объяснение (в охарактеризованном нами смысле).

Знакомство со структурной идентичностью исторических процессов в природе и в обществе позволяет заключить: исторические науки – не реликт более ранних эпох развития науки, они представляют историю как процесс индивидуализации систем. В контексте современной теории науки эта формула совпадает с определением традиционного учения, в соответствии с которым, как сформулировал Вильгельм Виндельбанд в своей страсбургской ректорской речи в 1896 г., историческая наука действует описательно. В этом отношении с ним можно согласиться и сегодня. Нельзя только согласиться с тем, что естественные науки, напротив, устанавливают законы. На самом деле они это делают лишь постольку, поскольку наряду с ними существуют науки описательные. Точно так же изучение общества, у истоков которого стоял Дильтей, лишь частично является историческим, описательным изучением, а в другой своей части оно уже давно составляет предмет теоретизирующих, так сказать, выявляющих закономерности общественных наук.

История – это процесс индивидуализации систем. Рассказываемая история суть средство определения чужой и собственной идентичности. Причем историко-генетическое установление чужой и собственной идентичности представляет собой момент созидания и поддержания самой этой, для каждого случая собственной, идентичности. Не историчность является специфическим критерием различия между природой и обществом, а зависимость индивидуальных и коллективных субъектов от историко-генетической самоидентификации при определении и сохранении своей идентичности. Если именно это понимать под "историчностью", – а так оно и есть при более пристальном рассмотрении, – тогда все в порядке.

Я многократно употребил слово "идентичность" в точном соответствии с устойчивой конъюнктурой применения понятия идентичности в новейшей литературе по общественным наукам. Я хотел бы сделать небольшие замечания по поводу этого понятия, существенные для нашего контекста. Я хочу по-своему истолковать этот термин, пояснив его метафорой, заимствованной из практики пограничного контроля. В данном скромном смысле идентичность – это то, что при пересечении границы оказывается ответом на вопросы: кто? откуда и куда держит путь? что и для каких целей везет с собой? Я полагаю, не требуется объяснять, что и в этом прототипическом случае совокупность ответов представляет собой структуру рассказанной истории. История говорит, кто это такой. История, объясняя, устраняет отчужденность чужого или же доказывает,

что как гость или товарищ он неприемлем. "Рассказанная история ручается за человека", как сформулировал в своей "Философии историй феноменологии" Вильгельм Шапп, и в данном контексте нет необходимости углубляться в отвлеченные размышления, которые могли бы увести к теме историко-генетической самоидентификации групп и институтов. Достаточно напомнить об общем: присущая историографии функция определения идентичности, специфическая для групп и действенная институционально, всегда воспринимается равным образом и как важная, и как сомнительная, т. е. проблематичная, когда идентичность институционального субъекта этой историографии находится в кризисе. Кризис идентичности в данном случае означает неуверенность относительно того, с какими историями можно и с какими нельзя себя идентифицировать, какие из них важны и какие нет, и как другие будут на них реагировать. В условиях такой неопределенности, когда целенаправленное иконоборчество одних соседствует с растерянностью других по поводу еще не осмысленной невосполнимости разрушенного, трудно писать историю, произносить юбилейные речи, реставрировать или сносить по всеобщему согласию памятники. Когда состояние такой дезинтеграции прогрессирует, возрастает привлекательность компенсаторных доктрин, которые берутся обещать, что смогут основать новую идентичность, и поскольку чувство идентичности есть историко-генетическое состояние, в первую очередь мобилизуются те доктрины, легитимность которых обосновывается исторически и историко-философски. Своим очарованием поздний марксизм не в последнюю очередь обязан присутствующим в этой доктрине традиционным чертам классической философии истории и особенно обещанию, что в контексте этой классической философии истории произойдет конституирование эмпирически не идентифицируемого субъекта всемирно-исторического процесса – человечества будущего как партии в настоящем.

Кризис историографии, "проверка относительностью", которой она подвергается, процесс ее переоценки и предрекаемое ей самонизведение до вспомогательной дисциплины при общественных науках – эти явления не имеют эндогенных, имманентно присущих науке причин: они суть отражение кризиса идентичности общественных систем, к которым принадлежит и сама историография. Кризис идентичности – состояние, неизбежно возникающее во всех обществах, где относительные в общесоциальном смысле процессы развиваются по экспоненциальной кривой. В условиях нарастающего ускорения изменений в обществе проблемы утверждения идентичности затронутых ими субъектов также все более усложняются. Именно этими трудностями и объясняется успех позднемарксистской философии истории. Она приобретает актуальность как средство интеллектуального самоврачевания, как назначаемый самому себе с целью восполнения утраченного радикальный курс лечения путем воссоздания раздробленной идентичности идеологическими средствами.